Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета»
6(10) 2012 www.vestnik.nspu.ru ISSN 2226-3365

© М. В. Быховец

УДК 008 + 316.7

ПРОБЛЕМА МИФОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ

М. В. Быховец (Новосибирск, Россия)

В статье анализируется проблема соотношения процесса модернизации и функционирования традиционных для общественно-политического сознания России архетипов и мифологических конструктов. Показано, что ключевым мифом, впервые получившим концептуальное оформление в теории «Москва - Третий Рим», является миф о «святой Руси», во многом определивший вектор российской истории и ее философского осмысления. Выделены ключевые архетипы, на которых строился этот отечественный «миф культуры», включая его трансформацию в идею коммунистического мессианизма. Отмечено, что дискредитация данного мифа поставила вопрос о перспективах дальнейшего цивилизационного развития России, так как альтернативного конструктивного мифа в российском обществе так и не возникло, восприятие же либерально-демократической идеологии, как неотъемлемой части модернизационного процесса, является для большинства поверхностным и сугубо рациональным. В том числе и потому что на уровне общественно-политического сознания продолжают активно функционировать мифы, связанные с базовым «мифом культуры», но уже лишенные его изначального смысла и содержания, в том числе «миф о царе» и эсхатологическая мифология. В заключение делается вывод, что проанализированные архетипы и мифологические конструкты, присущие отечественному сознанию на данный момент играют не столько конструктивную, сколько деструктивную роль. И может быть два выхода из сложившейся ситуации: либо имеющиеся архетипы русского национального самосознания получат некое новое содержательное оформление, либо на смену старым мифам все же придут новые.

Ключевые слова: *модернизация, традиция, миф, архетип, общественно-политическое сознание, миф о «святой Руси», мессианизм, эсхатология.*

В последние годы в политическом и научном сообществе тема модернизации обсуждается весьма активно. С тем, что модернизация необходима России, согласны практически все, но вопросы о том, какой смысл вкладывать в это понятие, в чем сущность процесса и его перспективы для дальнейшего развития России остаются дискуссионными.

Быховец Марина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Сибирский университет потребительской кооперации.
E-mail: evdemonia@mail.ru

© 2011-2012 Вестник НГПУ **Все права защищены**

На наш взгляд наиболее простым и в то же время емким пониманием модернизации является предложенное авторами независимого экспертного доклада «Модернизация России как построение нового государства»: «Модернизация <...> представляет собой процесс формирования в рамках данного государства и в заданных исторических обстоятельствах общества модерна» [1].

В этом случае мы можем говорить о модернизации как о процессе характерном не только для нашего времени, но как неотъемлемом элементе историко-культурного развития общества, а его содержание становится исторически относительным в зависимости от того, что в тот или иной период считается современным обществом, т.е. обществом модерна. Например, в Российской истории это период преобразований Петра I, реформы 1860-х гг. и др.

Что касается сущности процесса модернизации, то в наиболее общих чертах, речь идет об усвоении наиболее передовых достижений в сфере технологий, организации производства, функционировании общественно-политической жизни. Не секрет, что для России, да и для других стран мира, неким эталоном является западноевропейская, а в настоящее время и американская культура, с декларируемыми ценностями либерально-демократического общества. И здесь мы сталкиваемся с проблемой уже неоднократно обсуждаемой в отечественной истории и философской мысли, начиная со спора западников и славянофилов, подразумевает ли процесс модернизации отказ от собственной культурной традиции?

Ведь опыт многих стран XX столетия, наглядно продемонстрировал, что наиболее успешно проект модернизации был реализован в тех странах, где стремление к экономическому, технологическому росту и социально-политическим трансформациям был вписан в традиции той или иной культуры (например, Япония, Китай, Сингапур и др.). Но здесь возникает проблема, которую отмечают эксперты уже упоминаемого доклада: «В современной России нет традиционного общества. Оно разрушено в ходе нескольких предшествующих модернизаций страны: от петровской до коммунистической (сталинской и хрущевской)» [1]. Отчасти представляется возможным согласиться с данным утверждением, но необходимо уточнить, что подразумевается под понятием традиции. По нашему мнению, речь идет, не столько о конкретных социально-экономических институтах и форм организации политической жизни, сколько, о некой изначальной, базовой системе ценностных ориентаций, определяющих социально передаваемые типовые образцы поведения и восприятия, присущие той или иной культуре. Именно они определяют ее специфику и находятся в основе социальной, политической, экономической жизни, а так же духовного и интеллектуального развития, составляя сущность менталитета той или иной нации.

Как в отечественной, так и зарубежной мысли неоднократно анализировался вопрос, что же можно рассматривать в качестве этих основополагающих ценностных ориентаций? И почему так сложно, а порой и практически невозможно, без угрозы для существования той или иной национально-государственной, социокультурной общности, их разрушить, заменив на некую новую рационально обоснованную и декларируемую систему ценностей? По мнению многих исследователей, проблема заключатся в том, что эти некие базовые ценностные ориентации

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

носят глубоко укоренившийся иррациональный характер. Так, К. Г. Юнг и его последователи, говорят о неких архетипах культуры, подразумевая структуры первичных образов коллективной бессознательной фантазии и категории символической мысли, организующие исходящие извне представления. Существующее коллективное бессознательное, насыщенное мифологическими образами и мотивами, есть некий базис для людей, культур и народов. Это то наследство, доставшееся нам от предшествующих поколений, и от которого мы не в силах отказаться. Английский мыслитель В. Тэрнер, разработал концепцию «темы» культуры, под которой понимался «постулат или положение – явное или подразумеваемое, обычно контролирующее поведение или стимулирующее деятельность, которая молчаливо одобряется или открыто поощряется в обществе» [2, с.34]. Отечественные мыслители так же внесли свой вклад в разработку данной проблематики, так П. Флоренский отмечает наличие «схем человеческого духа» [3, с. 678], определяющих специфику той или иной культуры. А.Ф. Лосев в дополнениях к своей знаменитой работе «Диалектика мифа» отмечает: «Есть единая картина мира, одна затаенная идея и миф данной культуры; и ей подчиняется решительно вся культура, со всем ее идейным устремлением, со всем ее строительством, культурным, политическим и социальным. Есть неумолимая диалектическая связь между мифологией и философией данной эпохи и ее экономическим развитием, между ее мировоззрением и типом производства» [4, с. 117].

Таким образом, мы можем говорить о неком «мифе культуры», исходя из понимания мифа как преобразующего и придающего смысл и направленность бытию личности и социума. Можно выделить минимум два источника, определяющих формирование подобного мифа: во-первых, общечеловеческие мифологические структуры и сюжеты, а во-вторых, их ситуативное наполнение в зависимости от особенностей историко-культурного развития, влияния религиозной традиции и прочих факторов, определяющих самобытное развитие нации и государства.

В качестве ключевых базовых мифологических сюжетов, оказывающих колоссальное как конструктивное, так и деструктивное влияние на общественно-политическое развитие многих стран мира в истории человечества можно выделить «миф об империи» и сопровождающие его мифы «о царе», «мессианизме народа» и эсхатологический миф.

С древних времен претензии на господство являются одним из определяющих параметров цивилизационного развития. Как отмечает Багдасарян В. Э.: «без претензии на глобализационную экспансию не возможно существование ни одной из цивилизаций. Ментальной основой любой из цивилизационных систем является коллективный нарциссизм, представление о собственном превосходстве по тому или иному параметру» [5].

В европейской истории «*миф об империи*» со времен средневековья приобретает универсальный характер, так как многие западноевропейские государства претендовали на статус Римской империи. Данная настойчивость объясняется тесной связью развития христианства и Римской империи, и даже факт распятия Христа не отменял избранничества Рима. Империя одна, как одна христианская религия, один Бог, один Царь и один народ - христиане – «народ Божий», собранный с ветхозаветной

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

конкретикой от разных колен, но единый в своей основе. Отсюда претензии многих европейских государств на этот вожделенный статус Римской империи, так как невозможно существование множества империй, она должна быть лишь одна.

Поэтому падение Византии в очередной раз обострило проблему преемственности империи, которая в русской культуре нашла отражение в концепции инока Филофея «Москва-Третий Рим», но не стоит рассматривать эту теорию лишь как исключительно обоснование имперских притязаний. На наш взгляд, в ней довольно четко концептуализированы ставшие весьма устойчивыми архетипы русского национального сознания и понимание России как «*святой Руси*», являющегося лейтмотивом при размышлении о самобытности нашей страны у многих отечественных мыслителей. Как отмечал известный русский философов В. Ф. Эрн: ««святая Русь» не концепт народной идеологии, не кантовская «регулятивная» идея национального русского сознания, а совершенно конкретная, мистическая реальная святыня умного делания народа и его духовного бытия» [6, с. 398]. «Святая Русь» – это не конкретный историко-культурный период существования Руси, это определенный набор ценностей и ориентиров, сформировавшийся под влиянием православия и определяющий специфику русской культуры. Этот тот самый «миф культуры», влияющий на все сферы социального бытия: общественное устройство, хозяйственно-экономические, правовые и государственные отношения, которые необходимо развивать в данное историческое время.

О каких же архетипах русского сознания может идти речь, по сути, впервые концептуально оформленных в послании инока Филофея? Так обращаясь к Василию III и царю Ивану, он исходит из *идеи провиденциализма*: все на свете предопределено промыслом Божьим. Падение Византии было предопределено ее отступничеством от истинной веры (заключение унии с Римско-католической Церковью) и возможно является предвестием конца света[1]. Падение старого Рима и Нового Рима, обусловлено впадением в ереси и сбылось согласно пророчествам. Но остается Русь, которая и есть Третий Рим, последнее царство. Все павшие христианские Царства слились в царство русское, а соответственно русский царь становится единственным христианским царем, который и является орудием божественного промысла. Эти настроения и были оформлены Филофеем в политическую доктрину. «На первый взгляд в этой концепции, прежде всего, слились воедино *идеалы Православия и могучего государства*. Государство становилось ответственным за сохранение Православия, а потому должно было наращивать свою силу, чтобы успешно противостоять врагам святой веры. В этом смысле глубоко симптоматично то обстоятельство, что на Руси в отличие от Византии очень часто канонизировались государственные мужи, заслужившие святость деятельностью на поприще спасения, защиты и укрепления своего отечества. Филофей возводит родословную русских государей к византийским императорам, а также утверждает, что Русь конца XV – начала XVI века заняла особое положение в мире, став объектом Провидения. Но теория «Москва – Третий Рим», увлекла не только правителей, но и «захватила душу всего народа» [7, с. 43]. Это объясняется тем, что она опирается на

[1] Здесь важно отметить, что религиозное сознание XIV – XV веков было пронизано эсхатологическими ожиданиями, предсказывали даже точную дату 1492 г. – исполнялось 7000 лет от сотворения мира.

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

глубинные основы и архетипы русского сознания. Дело в том, что *образ странствующего града*, царства, заимствованный из византийской апокалиптики, нашел свое выражение в вечных стремлениях и поисках «святой Руси», наиболее ярко выраженный в распространенном сказании о граде – Китеже, который скрылся от глаз при татарском нашествии итак и остался незримым. Но странствия эти не бесконечны, грядет конец истории, именно поэтому Русь и станет последним царством. Таким образом, речь идет об эсхатологическом, апокалипсическом понимании развития и восприятия политического времени. Ожидание приближающегося конца истории неоднократно пронизывало политическое сознание России. С этим аспектом неразрывно связано и представление о связи судьбы России и судьбы всего мира. Отсюда и тенденция к *мессианскому* восприятию русского народа и традиции *политического радикализма* – из страстной жажды приблизиться к Царству Божьему здесь на земле, которые красной нитью пронизывают всю русскую политическую историю. И если смысл истории – подготовка к Царствию Божьему, то тогда процесс истории практически непостижим для человеческого ума. И царская власть становится особой инстанцией, где происходит встреча двух планов бытия – земного, исторического и божественного, вечного.

Таким образом, теория «Москва – Третий Рим» возникает, прежде всего, как религиозная теория, в основе которой лежало эсхатологическое понимание истории и ожидание неминуемого приближающегося конца света. И вытекала из сугубо национального понимания «святой Руси», как защитнице слабых и обездоленных. Так А. С. Панарин, считает, что «державным первооткрывателем архетипа Святой Руси – вселенского прибежища слабых – является Андрей Боголюбский. Все построенные при нем главные храмы он посвящает праздникам Богородицы: Успенский собор во Владимире и церковь Покрова Богородицы на Нерли. В московский период Богородица простирает Свой защитный покров над Москвой, как это сказано в «Книге Степенной царского родословия». Там же присутствует и Василий Блаженный – русский двойник константинопольского Андрея Юродивого. И функция Василия та же – указывать на чудо Покрова» [8, с. 117]. Таким образом, покровительство Богородицы превращало Москву в богоизбранный и богозащитный град. Но не град-крепость, иначе «централизм имперский должен был бы обращаться за покровительством к Богу Отцу, суровому Вседержителю мира. Централизм же православный обращается к женскому образу Богоматери – заступницы, а град Церковь – прибежище нищих духом» [8, с. 117].

По мнению, А. С. Панарина лишь реформы Петра I, деформируют этот православный архетип и «святая Русь», вместе с Москвой утратившей статус столицы, уходит в «подполье». А на смену ей приходит новая столица – «град–крепость», и Россия приобретает имперский статус, а теория «Москва – третий Рим» получает имперскую трактовку. Однако представляется, что данное понимание, все же формируется гораздо раньше. Теория «Москва – Третий Рим», получает государственную поддержку уже в конце XV–XVI веков, и наиболее ярко нашла свое выражение в политике Ивана IV. Он был венчан на царство, тем самым, став тем единственным действительно христианским царем. Свои действия, порой вызывающие сомнения, и недовольства, он обосновывает

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

божественным призванием монарха. Следовательно, уже в этот период, религиозно-эсхатологическое понимание заменяется «официальным хилиазмом» и начинает формироваться официальный политический миф, в котором понимание Руси как защитницы слабых и обездоленных трансформируется в представление о России исключительно в статусе империи[2].

Так «миф о святой Руси» переплетается с универсальным мифом об империи и мифом иудейско-христианской религиозной культуры – о мессианизме народа, являющимся достаточно конструктивным для цивилизационного развития России, включая революцию 1917 года, когда идея православного мессианизма была заменена на мессианизм коммунистический.

Политическое же развитие России со второй половины 80-х гг. XX столетия привели к окончательному нивелированию ценности данного мифологического конструкта и, по мнению Багдасаряна В. Э.: «Отказ от мировых амбиций, даже при прочих благоприятных факторах, вел в конечном итоге к цивилизационной энтропии. Идеологическая регионализация современной РФ, прагматическая философия мелких дел (подмена национального идеомифа тезисом – «починить забор») лишает Россию перспективы в качестве самостоятельной цивилизационной системы» [5]. Можно, конечно не соглашаться со столь категоричным утверждением, но очевидно, что наше общество с одной стороны до настоявшего времени весьма болезненно переживает крушение имперско-мессианистких устремлений, а с другой на уровне обыденного сознания весьма скептически относится к идее построения либерально-демократического общества. Как представляется, дело не только в наследии 90-х годов, когда эта идея во многом была дискредитирована и социально-экономических и политических реалиях современности, не позволяющих создать основу для истинно демократических и модернизационных процессов, но и в том, что она не имеет под собой глубинной мифологической составляющей. В противовес, постоянно нарастающему доминированию США, политика которых помимо рационально обоснованных аргументов имеет ярко выраженную мифологическую составляющую: Америка лучшая страна в мире – империя, американский народ – мессия, несущий «истину» – демократию другим народам. По всей вероятности, можно предположить два вектора дальнейшего развития России в ближайшие десятилетия – развитие в рамках государств «второго мира», пытающихся копировать стандарты и нормы западноевропейского общества, но при этом одним из основных гарантов политической стабильности будет являться авторитарный режим; либо появление некого нового мифа или скорее наполнение нашего «мифа культуры» неким иным содержанием в контексте происходящих процессов модернизации, возможно используя аргументацию, начавшего формироваться в конце XIX в. традиции русского либерализма.

Следует подчеркнуть, что все попытки пойти иным путем представляются весьма утопичными. Еще Кассирер одним из первых отметил сложность деконструкции мифа рационально. Укорененный в глубинах общественного сознания миф практически не поддается доказательствам его

[2] Однако это понимание не отменяет, отмеченного архетипа «странствующего града», возможно и обусловившего вечный поиск и порой резко противоположную смену политических и культурных ориентаций и ценностей в России со времен Петра I.

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

несостоятельности. На смену одному мифу часто приходит другой, либо наполняются новым содержанием традиционные и весьма устойчивые мифологические архетипы.

Одним из таких ключевых мифов общественно-политического сознания России до настоящего времени является «миф о царе». Следует отметить, что еще архаическая мифология предоставляет нам многочисленные сюжеты «мифа о царе». Первоначально «мифологический царь» – это вождь первобытного коллектива, родоначальник, культурный герой. В более развитых мифологиях появляется мотив божественного происхождения царской власти. Царь мыслится центром вселенной, осью мира, в нем неразличимо слито космическое и социальное. В общей мифологической концепции циклической смены смерти и возрождения Царь воплощает полюс жизни и победы над гибелью как космоса, так и человеческого коллектива. Он отвечает за благополучие своего народа и порядок в человеческих делах; от него нередко «зависит» правильное чередование времен года; выпадение дождей, избавление от мора, болезней и т. д.

Безусловно, христианство внесло свое понимание верховной и в частности монаршей власти. Именно оно, является во многом определяющим для формирования архетипа «царя» для русской культуры. Христианство старательно развенчивает древний миф о связи божественной и царской власти, в варианте, когда царь воспринимается как «живой бог» (в частности утвердившееся в поздней Древнеримской империи) или рассматривается как потомок Бога (например, как это было в Древнем Египте). Но оно не противопоставляет себя светской власти, так как Христос, Сын Божий, владычествующий над землей и небом, через вочеловечение подчинил себя земному порядку вещей, в том числе и повиновался носителям государственной власти, выразившейся в формуле: «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22.21). Власть светская, как и все в этом мире, установлена Богом, и потому необходимо ей повиноваться независимо от ее отношения к Церкви. Следовательно, предлагается новое понимание связи божественной и царской власти. Царь ответственен за социальный порядок, его власть в течение долгого времени воспринималась как единственно возможная, основанная на существовании иерархии, как на небе, так и на земле – один Бог на небе, один царь на земле. Таким образом, христианство утверждает богоустановленность власти и необходимость подчинения ей. В то же время Церковь находится под защитой светских правителей, и если говорить о России то именно светский правитель – Киевский князь Владимир принимает решение о крещении Руси, повлиявшее на дальнейшее развитие России. Концепция же «Москва – Третий Рим» закрепляет понимание, что истинная империя, задачей которой является дело вселенского спасения, не может существовать без сильной верховной власти, которая получает религиозное обоснование и поддержку. Союз Церкви и государства выражен в таком символическом акте, как таинство венчание на Царство, и власть получает религиозное обоснование. Впрочем, здесь следует затронуть проблему: является ли сакральность власти по преимуществу все же феноменом религиозного или мифологического сознания? Повлияли ли на формирование концепций власти уже отмеченные архаические мотивы? Иными словами «исходит ли она из созерцания, чувствования верховной личности в вечности или из созерцания, ощущения первособытий

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

мифа, абсолютного бытия мифа? В первом случае сознание концентрируется на некой статике созерцания божественного, во втором – на динамике ритуала, действия, событии мифа?» [9, с. 608]. На поставленный вопрос представляется возможным ответить, что религия, вера лишь санкционирует власть, совершая некое формальное действие (в частности, в православной традиции, это обряд «венчания на царство»); миф же, всегда обращаясь к некому началу времен, инициирует эту власть к жизни в ее институциональных и персональных проявлениях. Именно поэтому секуляризация XVIII в. в Европе привела к лишению религиозной легитимации (освящения) власти, но не лишила власть ореола мифической сакральности, что привело к абсолютизации политических авторитетов, как в качестве отдельных персоналий, так и политических идей и теорий. История XX в. неоднократно демонстрировала весьма разнообразные проявления подобной абсолютизации, достаточно вспомнить сложившиеся «культы личностей» в большинстве стран социалистического лагеря, включая Россию. Однако пережитый трагический опыт, не освободил общественное сознание от ожиданий «царя» - «спасителя», представляющего собой образец моральных добродетелей, честного, справедливого, защитника «простого народа», способного радикально изменить социально-политический порядок. Политологи уже неоднократно отмечали, что именно этот образ и воплотился в лице В. В. Путина, и соответствие социальным ожиданиям и мифологическим архетипам объясняет весьма устойчивую популярность этого политического лидера до настоящего времени.

Однако прокатившиеся по ряду крупных городов России протестные выступления после президентских выборов 2012 г., с одной стороны показали готовность определенной социальной прослойки к публичному выказыванию и защите своей политической позиции (именно это и является одним из признаков наличия гражданского общества, как неотъемлемого элемента либерально-демократического политического устройства), а с другой продемонстрировали, что большинство населения Российской Федерации либо не разделяет эту точку зрения, либо не готово ее отстаивать. И на наш взгляд причины подобного отношения носят не только социально-экономический характер (включая ощущение правовой незащищенности, отсутствие экономической и социальной стабильности и пр.), но и психологический, включая укорененный в отечественном сознании провиденциализм (так Богу угодно), вплоть до знаменитого русского «авось», выражающий не только невозможность изменить социальный, но и мировой порядок вещей, история развития которого уже предопределена свыше - грядущим апокалипсисом.

Именно апокалипсические, эсхатологические ожидания являются еще одним весьма устойчивым архетипом русского сознания, с невероятной силой актуализировавшимся в последние десятилетия на благоприятной почве политических трансформаций и социально-экономической нестабильности.

Следует отметить, что эсхатология как учение о конечных судьбах мира и человечества, о конце света и Страшном Суде, явление довольно древнее и подобного типа мифы присутствуют уже в египетской, отчасти греческой и, конечно же, в иранской традиции, представленной зороастризмом. Однако христианская концепция линейного развития истории представляет собой нечто

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

радикально новое, и «несмотря на простоту этой новизны замкнутая циклическая структура миропорядка оказалась разорванной и спрямленной. Будучи неотделима от творения мира ex nihilo (из ничего), она вводит представление об абсолютной эсхатологии как всего материального мира, так и каждого человека в отдельности» [10, с. 20]. Как отмечает известный русский философ и богослов С. Булгаков: «Все мироощущение христианина определяется этим эсхатологизмом, в котором хотя и не обесценивается земная жизнь, но получает высшее для себя оправдание» [11, с. 342]. Впрочем, сугубо эсхатологическое видение исторического развития не является единственной интерпретацией представленной в христианской философии истории, помимо этого возникает и концепция хилиазма, опирающая на иудаистскую традицию и определенные фрагменты текстов Апокалипсиса, провозглашающие тысячелетнее царство с торжеством добра на земле. Эти две концепции: оптимистически – хилиастическая и пессимистически – эсхатологическая, по мнению С. Булгакова, «неизбежно борются <…> их взаимное отношение можно определить как антиномическую сопряженность, здесь мы имеем религиозную антиномию, неразрешимую логически, но, несмотря на это, переживаемую психологически» [12, с. 243].

Современная культура демонстрирует нам яркие проявления этих двух уровней эсхатологического сознания. Речь идет не столько о регулярных предсказаниях «конца света» и наступлении «царства Антихриста» коими была чрезвычайно богата христианская истории, сколько об интерполяции эсхатологических мифов и сознания на сферы социальной и политической жизни. Одним из проявлений пессимистически-эсхатологических ожиданий, как отмечает У. Эко, являются повторяющиеся темы атомной и экологической катастроф, пророчества об исчерпаемости природных ресурсов [13, с. 284]. Одним из выходов из сложившейся «катастрофичной» ситуации, по мнению ряда теоретиков и практиков, является установлении гегемонии наиболее развитых стран – «золотого миллиарда», включая контроль над природными ресурсами, сферой производства, тем самым практически обрекая «недостойных» и «неизбранных» на вымирание. Эта теория, в действительности, является одним из воплощений древней оптимистически-хилиастической традиции, включая составляющие элементы: учение о наступлении «Царствия Божия», в современном мире созданного усилиями человека здесь − на земле, но для «богоизбранного народа», т.е. наиболее достойных, за которым остается право вершить судьбы других народов и по своей воле распространять наиболее «совершенную» политическую и социально-экономическую систему, что и является с точки зрения небезызвестного Ф. Фукуямы «концом истории».

В отечественной же культуре пессимистически-эсхатологическая традиция всегда была более устойчивой, и как уже отмечалось, даже имперские притязания изначально обосновывались из ожидания грядущего Конца Света и стремления к спасению. Реалии же российского общества последних десятилетий только обострили эти эсхатологические ожидания, и помимо уже упомянутых настойчивых предсказаний «конца света», опираясь то на календарь индейцев майя, то на откровения очередного пророка-астролога-экстрасенса, демонстрируемых в различного рода телевизионных

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

передачах и фильмах, не менее «модно» стало рассуждать о гибели России, деградации русского народа, культуры и пр.

Безусловно, в современной России существует множество проблем и разговоры о необходимости модернизации пока не способны их решить. Причины же по большому счету, безуспешности в настоящее время проекта модернизации носят не только социально-экономический и политический характер, анализируемый многими отечественными историками, философами и политологами [14], но и если можно так выразиться ментальный характер.

Как отмечал известный исследователь мифа и мифологии М. Элиаде: «Мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным кодам. Но оно не может исчезнуть окончательно» [15, с. 28]. Таким образом, представленные выше архетипы и мифологические конструкты, присущие отечественному сознанию продолжают функционировать, порой помимо нашей воли, но на наш взгляд, играют на современном этапе не столько конструктивную, сколько деструктивную роль. Из сложившейся ситуации может быть два выхода, либо имеющиеся архетипы русского национального самосознания получать некое новое содержательное оформление, либо на смену старым мифам все же придут новые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К.** Модернизация России как построение нового государства. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.apn.ru/publications/article22100.htm (дата обращения: 30.08.2012).
2. **Тэрнер В.** Символ и ритуал. – М.: Прогресс, 1983. – 245 с.
3. **Флоренский П. А.** Столп и утверждение истины. – М. : Изд-во «Правда», 1990. – Ч. 1, 2. – 827 с.
4. **Лосев А. Ф.** Дополнение к «Диалектике мифа» (новые фрагменты) / Вопросы философии. – 2004. – № 8. – С. 117–133.
5. **Багдасарян В.Э.** Судьба России в контексте процесса глобализации. – [Электронный ресурс]. – URL: http://conservatism.narod.ru/bagdasar/bagdasar.html (дата обращения: 30.08.2012).
6. **Эрн В. Ф.** Время славянофильствует // Сочинения. – М. : Правда, 1991. – 576 с.
7. **Щербинина Н. Г.** Политический миф России. – Томск : Пеленг, 1997. – 95 с.
8. **Панарин А. С.** Православная цивилизация в глобальном мире. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.
9. **Феллер В.** Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. – М. : КНОРУС, 2005. – 672 с.
10. **Лобье П.** Эсхатология / пер. с фр. Н. Зубков.– М. : Изд-во АСТ, 2004. – 158 с.
11. **Булгаков С. Н.** Православие. – М. : Изд-во АСТ, 2003. – 365 с.
12. **Булгаков С. Н.** Исследования о природе общественных идеалов. – СПб. : Изд. РХГИ, 1997. – 589 с.
13. **Эко У.** Средние века уже начались // Иностранная литература. − 1994. − № 4. − С. 258−268.
14. **Модернизация** России: информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты: сборник научных статей / отв. ред. А. В. Костина. − М. : Изд. МосГУ. − 2012. – 383 с.
15. **Элиаде М.** Аспекты мифа. – М. : Академ. проект, 2000. – 224 с.

© 2011-2012 Вестник НГПУ Все права защищены

Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета»
6(10) 2012 www.vestnik.nspu.ru ISSN 2226-3365

UDC 008 + 316.7

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN SOCIOPOLITICAL CONSCIOUSNESS MYTHOLOGIZATION IN THE CONTEXT OF A MODERNIZATION PROCESS

M. V. Bihovec (Novosibirsk, Russia)

The correlation problem of the modernization process and traditional for the Russian consciousness archetypes and mythological constructs functioning is being discussed in the article. The central myth conceptually defined for the first time in the theory "Moscow is the Third Rome" has been shown to be the myth about Russia's being the "holy" land and it has been this myth that has mainly determined the Russian history development and its philosophical understanding. The main archetypes serving as a basis for such domestic "cultural myth" including its transformation into the idea of communist messianism have been stated. It has been pointed out that the myth impeachment has given rise to the question of the further Russian civilized development perspectives because the alternative constructive myth has not come into existence in the Russian society while the perception of the liberal-democratic ideology as an integral part of a modernization process is superficial and rational for the majority of the population. One reason for this is that the myths connected with the basic "cultural myth" but deprived of its original meaning and content including the "Tsar myth" and a millenarian (eschatological) mythology keep on actively functioning on the sociopolitical level. At the end it is concluded that the analyzed archetypes and mythological constructs typical of the modern domestic consciousness up-to-date play not constructive but destructive role. There may be two ways out of this situation: whether the existing Russian national consciousness archetypes be somehow substantively developed or the old myths be replaced by the new ones.

Keywords: *modernization, tradition, the myth, an archetype, political consciousness, the myth about «sacred Russia», a messianizm, an eskhatologiya.*

Bihovec Marina Vladimirovna – the candidate of philosophical sciences, the assistant professor of the Siberian University of consumer cooperation (Novosibirsk).
E-mail: evdemonia@mail.ru

© 2011-2012 Вестник НГПУ **Все права защищены**